

САМОУБИЙСТВО В ПРЯМОМ ЭФИРЕ

Парфенов и Миткова ушли в никуда

студию к Дмитрию Диброву явились коллеги беглеца и начали обсуждать его поступок. Этичность происходящего вызвала сомнение до тех пор, пока нежданно-негаданно не примчался сам виновник торжества, которому в направляющуюся домой машину позвонила жена, и не объяснился начистоту. Парфенов всегда был аполитичным индивидуалистом и никогда не считал обязательным для себя присутствие в команде, ныне, по его словам, превратившейся в стаю. Представить Парфенова с пеной у рта отстаивающим чьи-либо интересы невозможно. Тем не менее он как знаковая личность был приглашен Евгением Киселевым на встречу с Путиным в Кремле. В последнее время он получил именную рубрику "Особый взгляд" в программе "Итоги". Парфенов всегда был сам по себе. Загадкой выглядило появление его фамилии в списках нового совета директоров НТВ.

(Окончание на 3-й стр.)



"Ты (Киселев) добиваешься, чтобы "маски-шоу" случилось у нас в "Останкино", ты всеми средствами это провоцируешь." Леонид Парфенов объясняет свою позицию в прямом эфире.

САМОУБИЙСТВО В ПРЯМОМ ЭФИРЕ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Теперь одни о нем говорят как о предателе, другие — как о человеке, который сказал вслух то, о чем остальные позволяют себе думать лишь наедине с собой. Один из самых ярких сторонников Киселева, Виктор Шендерович, в том же прямом эфире сказал, что он на 90 процентов согласен с Парфеновым. В своем письме Киселеву главный летописец НТВ написал, что уходит не на телевидение, а "в никуда". Скорее всего имелась в виду газета "Коммерсант". Но, по данным "МК", хозяин "Коммерса" Березовский распорядился Парфенова на работу не принимать.

Можно упрекать НТВшников в том, что они все больше и больше выписывают внутренние разногласия на многомиллионную аудиторию. Но всмотритесь в глаза каждого из них — многие наяву оказались в шкуре Гамлета. Следующий удар по боеспособности команды получился еще более убийственным — ушла Миткова, без всяких обиняков лицо НТВ. Человек с безупречной репутацией. Она никогда не стремилась к дешевой публичности, даже никому не давала интервью. На НТВ буквально все говорили о ней с пристрастием. В январе 91-го она отказалась читать официальную сводку о событиях в Литве и была уволена. Тогда в СССР это означало, что Миткова получила черную метку. Еще несколько дней назад Миткова участвовала в переговорах журналистов с Альфредом Кохом. Почему же она ушла? Скорее всего дело в том, что Миткова, как и Парфенов, была слишком яркой индивидуальностью для коллективной обороны "в стае".

Чтобы понять состояние оставшихся журналистов, достаточно привести всего лишь два мнения. Они очень характерны.

Владимир Кара-Мурза, ведущий ночных новостей:

— Уход Митковой и Парфенова — это настоящее предательство. Но мы не уступим. Путин, Кох и иже с ними приходят и уходят, а НТВ останется. Я был на баррикадах в августе 91-го и в октябре 93-го. Тогда погибли мои друзья, но мы отстаивали свободу. Отстоим и сейчас. Команда НТВ напоминает подполку "Курск", идущую ко дну, а мы на последнем дыха-

нии пишем прощальные записки и стучим в двойную обшивку стены.

Павел Лобков, обозреватель, ведущий программы "Растительная жизнь":

— Мы сейчас находимся на грани, когда НТВ может превратиться в тоталитарную секту, которая борется с государственной религией. В этой войне все выглядят чрезвычайно непривлекательно. Евгений Киселев, которому мы доверяем и которого выбрали главным редактором, должен напрямую встретиться с представителями "Газпрома" и решить все финансовые вопросы. А людей вовлекать в наши разборки нельзя, они должны сидеть дома и смотреть телевизор.

Журналисты борются и отстаивают свои права так, как они это понимают. И хотят остаться порядочными, исходя из собственной шкалы ценностей. Им очень тяжело, и они очень искренни. А стыдно должно быть тем, что все это затеял, довел до жесточайшего морального и профессионального кризиса. С обеих сторон.

Александр МЕЛЬМАН.

Узнав об уходе из НТВ Леонида Парфенова, председатель совета директоров "Газпром-медиа" Альфред Кох распространил в Интернете свое заявление по этому поводу.

Уважаемые НТВшники!

Я пришел вечером на работу после "Гласа народа". Весь искрился и пил кофе. Потом начался Дибров, и я стал смотреть. Там я узнал, что Парфенов ушел. Нет нужды говорить, какой он талантливый. Вы сами это знаете. Я ночью долго думал над его уходом. Мне не давал покоя вопрос, почему он ушел первым. Теперь я знаю ответ. Я чувствовал это раньше, поэтому и ввязался в это дело. Теперь Парфенов сказал то, что я просто чувствовал.

Понимаете, есть вещи, которые обычные люди, которыми являемся мы с Вами, понимают только в результате их логического осмысления, осознания и т.п. Парфенов устроен иначе. У него огромный вкус и чувство стиля. Я думаю, его просто коржило. Он просто физически не мог выносить того, что Вы де-

лаете последние несколько дней. Вы произносите столько правильных слов. Делаете чеканные профили и надеваете тоги. Вы — борцы. Вы все уже из мрака. Ваши имена войдут в историю, или, виноват, в анналы (так, кажется, по стилю лучше). А он не мог уже на это смотреть.

Вы поймите. Еще до того, как Вы и все остальные поймут, что никакой борьбы нет. Поймут, что с Вами никто не борется. Дойдет наконец, что с Вами хотят диалога. Что мы все мучительно думаем, как Вам выйти из этой ситуации, сохранив лицо. Еще до всего этого он уже чувствовал дурновкусие. Правильная и справедливая борьба не может быть стилистически позорной. У Вас пропал стиль. Это начало конца. Этот ложный пафос. Эта фальшивая пассионарность. Это фортиссимо. Надрыв. Это все — стилистически — беспомощно. Флаг из туалета. Преданные мальчишки. Огнедышащий Киселев — дельфийский оракул. Ночные посиделки (камлания). Неужели Вы этого не видите? Я понимаю, почему этого не видят Киселев, Кричевский и Максимовская. Я не понимаю, почему этого не видят Шендерович, Пушкина и Сорокина. Это просто плохо. Плохо по исполнению. Это бедарно. Бетховен, сыгранный на балалайке, — это не Бетховен. Какая гадость эта Ваша заливающая рыба. Киселев, на операторской лестничке произносящий гневную филиппику лоснящимися от фуа-гра губами. Визг. Как железом по стеклу. Пупырышки. Я это чувствую. А Вы? Прекратите. Не получилось. Не верю. Это должен быть либо другой театр, либо другая пьеса, либо другие актеры.

Звонит Новодворская: "Альфред, а что, Киселев не знает, что вы антисоветчик?" Нет, не знает. Не хочет знать. Тернер. Дайте Тернера. Хочу Тернера. На Тернера. Не хочу Тернера. Что хочешь? Свободу слова. На свободу. Не хочу, не верю. Я хочу штурма. Может, меня награждать... Посмертно. Шендерович! А! Не чувствуете?

Весь в бежевом. Снова в бежевом. Теперь — габардиновый. Улыбается. Думает. Идет по Красной площади. Любить и пилить. Отдыхать. Пушкина! А! Не отворачивайтесь. Не затыкайте нос. Нюхайте. Это Ваше, родное.

Губы дрожат. Громко. Да или нет. Нет, вы мне ответьте: да или нет. Ааа! Не можете. Вот мы вас и поймали. Уголовное дело, кажется. Мы Вас выведем на чистую воду. Сорокина! Слушать. Не затыкать уши. Терпи.

Как говорил Остап Бендер: "Грустно, девушки".

Надо взрослеть. Надо стать. Надо проветрить. Проветрить. Помыть полы. Отдохнуть. Своим враньем вы оскорбляете мой разум.

Альфред КОХ.

Ознакомившись с этим посланием, на НТВ заявили в одном из выпусков новостей, что ввиду отсутствия высокого интеллекта самостоятельно Кох написать его не мог. В ответ на это Кох написал еще одно послание.

Ратуйте, православные! Грабят! Среди бела дня. При всем честном народе. Грабят и не краснеют! Да будь у вас 150% акций, все равно не отдадим, говорят! Вот такие дела! Взяли денег на мегафон. Не отдадут. Ни мегафона, ни денег. Да еще в мой мегафон меня же и кроют почему зря. Правовое государство, одним словом. Причем все так культурненько. Спасибо, пожалуйста, жулик, мародер. Не по-матерному. Столица! Не жук чихнул.

А тут давеча на английский перешли. Йордан, говорят, гоу хоум! А, значит, Тернер, соответственно, гоу ту Москву! (Это они так иностранные инвестиции подерживают.) Ууу! Сила! Образованные.

А чего у вас такого нету? Чего нету, а вы хотите? А, говорят, со свободой слова плохие дела. Тут некультурный Кох (это то есть я) завелся. Культурные люди, они ведь как? Дали денег и отошли в сторонку. Чтобы не мешать. А этот все лезет и лезет. Деньги, видишь, ему обратно отдавай. А свобода слова как же? И не понимает, дурак (это то есть я), что этой своей глупой просьбой свободу слова губит. И получается по всему, что я, значит, грубый и циничный, а они — лыцари без страха и укропа. Дела... Недели у митингуют.

А в субботу меня совсем обидели. Написал я им письмецо открытое. Да в Интернет его засунул. Они его почитали и говорят: Кох не мог его написать. Кох некультурный. Культурных на свете два: Шендерович да Парфенов. Верней, один уже остался. Парфенов, ночью недоглядели (и то — четвертые сутки не спавши), взял да утек.

Так остался я без денег, без мегафона, да еще и письмо не мое. Знал бы я раньше. Купил бы на эти деньги десять таких мегафонов и орал бы, как они, каждый день на них. Может быть, тогда мне и письма ночью не захотелось бы писать.

Да вот оно, письмо, читайте. Истинный крест, сам писал. Не сойти с этого места. Не хуже чем у Шендеровича. Вылитый Парфенов.